

ДЭВИД
ИРВИНГ

Баллистические
ракеты
Третьего рейха —
британская и
немецкая точки
зрения

ВИД
ВОЗМ
ЭЗД
ОРУЖИЕ
ЭНЖИ
РО

Дэвид Ирвинг
Оружие возмездия.
Баллистические ракеты
Третьего рейха – британская
и немецкая точки зрения

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609375

Оружие возмездия. Баллистические ракеты Третьего рейха – британская и немецкая точки зрения / Пер. с англ. Т.Е. Любовской.:

Центрполиграф; Москва; 2005

ISBN 5-9524-1624-1

Аннотация

Известный английский историк Дэвид Ирвинг показывает, что склонность немцев к внешним эффектам и разногласия в высшем эшелоне власти Третьего рейха привели к тому, что значительные ресурсы, предназначенные для разработки самолета-снаряда и реактивного истребителя, были брошены на создание баллистических ракет. В британском правительстве многие считали несостоятельной весьма реальную угрозу, которая по замыслу Гитлера должна была переломить ход войны в пользу Германии.

Содержание

Пролог	4
Предисловие	12
Глава 1	17
1	17
2	22
3	31
4	34
5	38
Глава 2	44
1	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дэвид Ирвинг Оружие возмездия. Баллистические ракеты Третьего рейха – британская и немецкая точки зрения

Пролог

Автору этой книги был предоставлен доступ к ряду официальных документов. Только автор несет ответственность за сделанные им выводы и суждения, высказанные на страницах этой книги. В соответствии с общепринятой практикой автору не разрешено было указывать официальные документы, которые он использовал в своей работе.

Как и в случае со всеми работами, для написания которых привлекались официальные, зачастую засекреченные документы, рукопись этой книги была направлена автором, которому в то время было 25 лет, в службу безопасности для получения разрешения на публикацию. В июле 1964 года офи-

цер службы безопасности написал ему: «Глава, начинающаяся со слов «Подобно тому как анализ противоречий...», не должна появиться в печати». После официального разоблачения секрета «Ультры» и истории «Энигмы» в 1974 году этот запрет более не имеет силы.

Подобно тому как анализ противоречий привел к самым неожиданным открытиям в прикладной науке, так и в нашем случае изучение на первый взгляд необъяснимых противоречий может помочь узнать подлинную основу наиболее ревностно охраняемых секретов.

Событий, о которых поведано в этой книге, возможно, не было бы, если бы не некий проект, реализовывавшийся группой офицеров разведки в сорока милях от Лондона и окруженный такой секретностью, что ни кабинет министров, ни главнокомандующие, ни союзники не были поставлены о нем в известность.

В рассказанной мною истории встречаются несколько существенных противоречий. Для всего произошедшего они имеют первостепенное значение, поскольку их анализ позволяет установить, что Пенемюнде был вторым крупнейшим исследовательским центром, что обнаруженные во Франции конструкции являлись катапультами для самолетов-снарядов и что Германия обладала стратегическим потенциалом в 1000 ракет.

Наиболее интересным противоречивым свидетельством

представляются «транспортные накладные». По официальной версии, они были добыты тайными агентами британской разведки, работавшими над разгадкой секретов германского «оружия возмездия». В действительности информация поступала совсем из другого источника.

5 ноября 1943 года, после того как британские бомбардировщики нанесли сокрушительный удар по Пенемюнде, на стартовых площадках в Близне (Польша) начались испытания немецких ракет дальнего радиуса действия «А-4» (иначе «Фау-2»). Вскоре об этом узнала британская разведка. В своем докладе кабинету министров в середине июля 1944 года один из офицеров разведки заявил, что в добытых агентами транспортных накладных, относящихся к грузоперевозкам на линии Пенемюнде – Близна, содержится перечень серийных номеров объектов (в диапазоне от № 17064 до № 18000), которые на фотоснимках из Близны были идентифицированы как ракеты.

Как мы увидим в дальнейшем, информация вызвала потрясение у членов кабинета министров. Но вот что представляет действительно большой интерес, так это подлинный источник информации.

Офицер разведки сообщил кабинету министров, что «накладные» были захвачены британским агентом в Польше. Однако это было совершенно исключено: 25 января 1944 года один из подчиненных генерал-майора Дорнбергера, ответственный за транспортировку ракет, распорядился в це-

лях сохранения секретности бумаги, связанные с перевозкой «А-4», не заполнять, не оформлять ни сопроводительные документы, ни накладные.

Это распоряжение вступило в силу 1 февраля, *за пять дней до того*, как состав с десятью ракетами «А-4» (одна из которых была с серийным номером 17064) отошел от завода в Нордхаузене, и за несколько недель до того, как был осуществлен запуск этой ракеты в Близне.

Следовательно, «накладных» и вовсе не существовало.

Тогда откуда же британская разведка черпала информацию? Каков был ее настоящий источник? С самого начала Второй мировой войны британская разведка прилагала все усилия, чтобы разгадать шифры, которыми пользовалось германское Верховное командование. В то же время нельзя было дать понять врагу, что его секрет открыт. «Сама по себе информация о противнике войну не выигрывает, – заметил один из офицеров разведки, – но она может помочь обнаружить в обороне врага уязвимые места и ударить по ним в самый подходящий для этого момент».

К тому времени немцы создали чрезвычайно надежную шифровальную машину, получившую название «Энигма». Британский государственный служащий Джошуа Купер был совершенно уверен в том, что, если немецкие шифры были сгенерированы машиной, значит, только машина и сможет расшифровать их. (В 1936 году Купер был переведен в министерство ВВС для работы в воздушной разведке, в то же

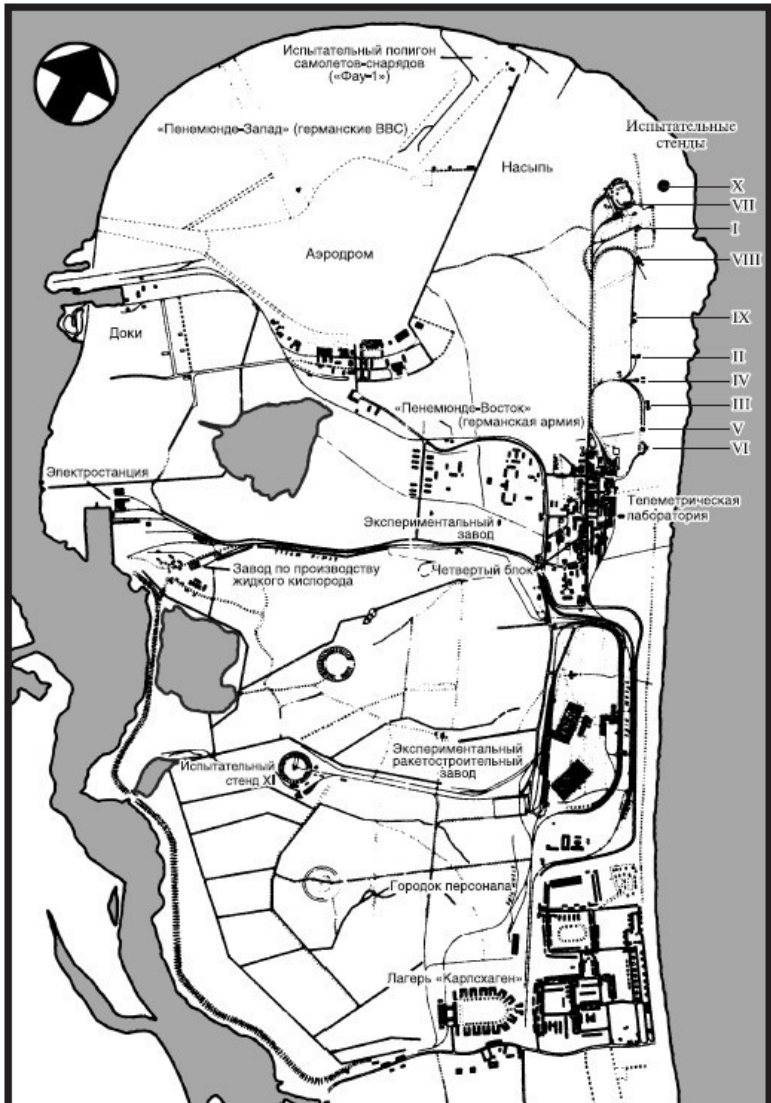
время он по-прежнему оставался приписанным к министерству иностранных дел.)

Его идея оказалась плодотворной. Инженеры министерства почт, которым было дано задание разработать дешифровальное устройство, весьма успешно справились с делом: их машина способна была «разгрызть» намного больше шифров, чем ожидалось. Дешифровальное устройство, установленное в Бакингемшире, обслуживал целый штат сотрудников: переводчики, дешифровщики, аналитики. «Начиная с того дня, – вспоминал один из них, – мы могли расшифровать все, что попадало нам в руки». Вдобавок ко всему британское устройство работало значительно быстрее, чем германское, так что зачастую британская разведка получала расшифровку документа раньше, чем тот, кому он был адресован.

В течение некоторого времени это дешифровальное устройство являлось британским ноу-хау. Как только о нем стало известно американцам, они тут же поспешили заявить, что первые подобные машины конечно же появились в США. В целях опровержения подобных заявлений британское правительство вынуждено было признать тот факт, что во время войны в его распоряжении находилось такое устройство, но оно сделало это с большой неохотой. Тем, кто потерял в военных катастрофах своих родных и близких, вряд ли приятно было бы узнать, что британская разведка была прекрасно осведомлена о времени атак задолго до то-

го, как они должны были произойти. Еще в самом начале использования хитроумной машины было решено, что ради соблюдения строжайшей секретности в кабинет министров будут представляться лишь те разведданные, которые могли быть получены не только с помощью дешифровального устройства, но также и из других заслуживающих доверия источников. Список лиц (включая министров), кому рассылались эти разведданные, был строго засекречен. Вот потому и возникли измышления о документах, якобы похищенных агентами разведки. В случаях, когда невозможно было придумать убедительную историю получения разведданных, перехваченные шифровки просто не оглашались. Гибли конвои, противник проводил сокрушительные воздушные налеты, а британская разведка вынуждена была наблюдать за этим со стороны, мучаясь от бессилия.

Этому дешифровальному устройству, которое находилось в совместном пользовании министерства иностранных дел и разведки, принадлежит большая часть заслуг, которые в этой книге волей-неволей будут приписаны руководителям разведки.

Испытательный полигон самолетов-снарядов («Фау-1»)

«Пенемюнде-Запад» (германские ВВС)

Испытательные стенды

Насыпь

Аэродром

- X
- VII
- I
- VIII
- IX
- II
- IV
- III
- V
- VI

Доки

«Пенемюнде-Восток» (германская армия)

Электростанция

Телеметрическая лаборатория

Экспериментальный завод

Завод по производству жидкого кислорода

Четвертый блок

Испытательный стенд XI

Экспериментальный ракетостроительный завод

Городок персонала

Лагерь «Карлсхаген»

Германский исследовательский центр управляемых ракет в Пенемюнде

Назначение испытательных стендов: X – пусковые испытания «А-4»; VII – испытания двигателей; I – стационарный испытательный стенд для камер сгорания; VIII – испытания камер сгорания с турбонасосами; IX – испытательный стенд для ракеты «Вассерфаль»; III – горизонтальный стенд для камер сгорания; V – испытания системы подачи топлива; VI – испытания двигателей «А-4»; XI – испытательный стенд для ракет «А-4», запущенных в массовое производство

Предисловие

В один из дней в начале августа 1944 года бомбардировщик «либерейтор» из 8-й воздушной армии США разбежался по длинной бетонной взлетной полосе аэродрома в Англии и взмыл в воздух. Экипаж самолета состоял всего из двух человек – пилота, лейтенанта Джозефа Кеннеди, и радиста. Все свободное пространство в самолете было занято взрывчаткой общим весом более 22 000 фунтов.

С самолета было снято вооружение и на борту осталось лишь горючее, необходимое для полета в один конец, целью которого была унылая, открытая всем ветрам пустошь у пролива Па-де-Кале всего в нескольких милях от французского побережья. В центре пустоши возвышался пологий холм, который скрывал под собой немецкую пушечную батарею с орудийными стволами более 400 футов длиной. Адольф Гитлер придумал для этой батареи кодовое название – «насос высокого давления». Стволы орудий были нацелены в самое сердце Лондона, находящегося в сотне миль отсюда. С этого холма фашисты рассчитывали ежедневно осыпать столицу Британской империи градом из шестисот 9-футовых снарядов. И эта пушечная батарея все еще была в руках немцев.

По личному настоянию Адольфа Гитлера строительство площадки проводилось ускоренными темпами. На гребень холма водрузили 18-футовую бетонную плиту, в которой бы-

ли вырезаны отверстия для пятидесяти орудийных стволов.

Для того чтобы наверняка поразить эту цель, командующий американскими ВВС изобрел собственное секретное оружие: бомбардировщик, до предела загруженный тротилом, и экипаж добровольцев, которые должны были выпрыгнуть с парашютом перед тем, как самолет достигнет позиций противника. Затем бомбардировщик с помощью радиоправления наводился на цель – зловещий «насос высокого давления».

Вскоре после того, как «либерейтор» Кеннеди оторвался от земли, в воздух взмыл другой американский самолет, который должен был вести «либерейтор» к цели, после того как его экипаж покинет бомбардировщик. Он был в нескольких милях от «либерейтора», когда тот вдруг внезапно озарился двумя ослепительными вспышками. Экипаж бомбардировщика погиб мгновенно. Лейтенант Кеннеди, брат будущего президента США, пополнил список из 2900 летчиков союзных войск, которые отдали свои жизни в битве против секретного «оружия возмездия» Гитлера.

Битва эта началась в августе 1943 года, когда однажды ранним утром мистер Уинстон Черчилль, в то время находившийся в Квебеке, был разбужен телефонным звонком из Англии. Раздался знакомый протяжный голос, на другом конце провода был зять, Дункан Сэндис. Несколько месяцев назад Сэндис возглавил расследование британской разведки,

предметом которого стало германское «секретное оружие».

Сэндис был краток:

– Операция «Гидра» увенчалась успехом!

Сэндис говорил с территории авиабазы британского Бомбардировочного командования в Хантингдоншире, Англия. Операция «Гидра» стала одним из самых удачных воздушных налетов за всю историю Второй мировой войны. В шестистах милях от Хантингдоншира, в Пенемюнде, располагался германский центр по разработке управляемых боевых ракет, на создание которого Гитлер с 1939 года потратил около 25 000 000 фунтов. Теперь этот центр представлял собой огромный костер. Среди руин лежали безжизненные тела семисот инженеров, техников, ученых и пленных рабочих. Наступление, которое Германия планировала начать с помощью «оружия возмездия», было отсрочено, и ничто уже не могло помешать высадке союзнических войск в Нормандии десятью месяцами позже.

Одна из самых грандиозных военных операций союзников прошла блестяще: около шестисот бомбардировщиков в лунную ночь с малой высоты атаковали цель. Из этого вылета не вернулось три сотни британских летчиков.

Гитлер вынашивал планы подвергнуть Лондон массированному обстрелу: ежедневно на город должно было обрушиваться сто ракет «Фау-2» и восемьсот самолетов-снарядов. Каждый снаряд имел длину в пятьдесят футов, весил двенадцать тонн и нес боеголовку весом в одну тонну. Каж-

дый самолет-снаряд – небольшой беспилотный реактивный самолет – по мощности заложенной в него взрывчатки не уступал бомбам крупного калибра, которые британские самолеты каждую ночь сбрасывали на Берлин. Гитлер лично пообещал своим министрам: «Атака силами нашего секретного оружия будет приурочена к высадке союзников во Франции». Если бы операция Эйзенхауэра хоть на миг дала сбой, ситуация на фронте могла бы обернуться не в пользу Запада. Германия с ее реактивными самолетами могла бы хоть на время захватить воздушное господство, укрепить оборону и завершить реализацию программы по сооружению подземного нефтеперерабатывающего завода.

Первый из когорты «секретного оружия» – смертоносный беспилотный самолет «Fieseler-103» – был введен в строй только после высадки союзных войск в Нормандии. В течение следующих четырнадцати дней по столице Британии было выпущено почти 2000 этих «смертоносных роботов». На каждом заседании кабинета министров звучали трагические сообщения о растущем количестве человеческих жертв. В Лондоне ежедневно уничтожалось до 20 000 зданий, одна шестая часть города, жизненно важная для военного производства, была стерта с лица земли.

Хуже всего эти известия сказывались на моральном духе солдат союзнических армий, которые, высадившись в Нормандии, теперь с боями прокладывали себе путь в глубь Европы. Каждую ночь они слышали оглушительный рев ре-

активных двигателей – это ракеты проносились через Ла-Манш в Англию. Каждую ночь миллионы людей – в том числе и автор этой книги – затаивали дыхание, когда рев неожиданно стихал и на несколько секунд воцарялась гнетущая тишина, которая затем сменялась оглушительным грохотом – на чьей-то улице взрывались боеголовки ракет.

Беспилотные самолеты-снаряды были лишь первым «секретным оружием» Гитлера. Впоследствии генерал Эйзенхауэр сказал: «Если бы немцам удалось создать и использовать новое оружие шестью месяцами раньше, чем случилось в действительности, это заметно осложнило бы высадку наших войск в Европе или сделало бы ее вовсе невозможной...»

Эта книга – дань уважения солдатам, ученым, офицерам разведки и всем тем, кто объединил свои усилия, чтобы уничтожить секретное оружие Гитлера и сделать победу союзников возможной.

Глава 1

Планы мести

1

Именно Адольф Гитлер, сам того не желая, побудил Британию предпринять расследование относительно секретного оружия, когда на ралли в Данциге 19 сентября 1939 года выступил с речью, призывая Британию заключить мир теперь, когда он и Сталин совместными усилиями за «восемнадцать дней» овладели Польшей.

Согласно первому, сделанному наспех переводу Би-би-си, в своей речи фюрер говорил об оружии, «которое еще никому не известно и с помощью которого нельзя атаковать Германию».

Мистер Невилл Чемберлен дал распоряжение британской разведке определить природу этого оружия, и доктору Р.В. Джонсу, за восемь дней до того назначенному руководителем британской научной разведки, было поручено провести соответствующее расследование. Джонс, физик, в свое время учившийся у талантливого профессора Ф.А. Линдемана, должен был тщательно проанализировать имевшиеся в распоряжении разведки данные и на их основе составить отчет.

Самое раннее сообщение было датировано июнем 1934 года и содержало сведения о начале разработки в Германии бактериологического оружия. Однако в результате тщательного изучения прочих документов разведки Джонс понял, что существовал куда более широкий спектр средств, на которые мог намекать Гитлер. Джонс обратился к речи Гитлера, пытаясь там отыскать ключ к точной природе угрозы.

Ключевую фразу можно было бы перевести следующим образом: «Очень скоро может наступить момент, когда мы используем оружие, которое против нас никто обратить не сможет». В этих словах не содержалось никаких намеков на то, какое же именно оружие имел в виду Гитлер. Однако профессор Норман, германист из лондонского Кингс-колледжа, прослушав магнитофонную запись выступления Гитлера, переданного по Би-би-си, заявил, что, по его мнению, Гитлер использовал в своей речи слово «оружие» применительно к ударной группе в целом, и, возможно, он имел в виду бомбардировщики люфтваффе в частности.

Усилия доктора Джонса не пропали даром. Оценив собранную информацию о секретном оружии с точки зрения физика, он писал в отчете своему руководству 11 ноября 1939 года: «Есть несколько видов оружия, на которые содержатся намеки и на некоторые из которых следует обратить самое пристальное внимание. Среди них: бактериологическое оружие, новейшие газы, огнеметы, самолеты-снаряды, воздушные торпеды и беспилотные самолеты, ракеты даль-

него действия, новые торпеды, мины и субмарины, смертельные лучи и магнитные мины...»

За пять лет британская разведка получила двадцать два донесения, свидетельствующие о том, что в Германии ведется разработка бактериологического оружия. Угроза применения отравляющих веществ была также актуальна, так как компетентные источники указывали, что вражеский газ «арсин» способен проникать сквозь фильтры гражданских противогазов и, следовательно, может «вызвать панику» в Британии.

Только один источник информировал о работе по разработке реактивных снарядов в Германии. Сообщение это было датировано 17 октября 1939 года: «профессор Отто Х. Шмидц», в прошлом работавший на Круппа, построил завод на побережье между Данцигом и Кенигсбергом, и завершил работу над «ракетной оболочкой», вмещающей до 320 фунтов взрывчатого вещества и способной преодолеть расстояние до 300 миль. Предполагалось, что этот реактивный снаряд выпускался из орудия и двигатель снаряда запускался при достижении высоты 13 000 футов. Никаких иных сообщений относительно ракет дальнего радиуса действия, разрабатываемых Германией, в анналах разведки не содержалось.

Не успел Джонс отправить свой отчет руководству, как пришло сообщение о том, что на Балтийском побережье в

Пенемюнде налаживается производство секретного оружия. Военно-морской атташе Британии в Осло получил анонимное письмо, содержащее сведения об определенных технических разработках, производимых Германией. Автор подписался как «доброжелатель, немецкий ученый».

Его родина дорого заплатила за его доброжелательность: в «донесении из Осло» утверждалось, что среди различных видов оружия, испытания которых проводились в Пенемюнде, был и радиоуправляемый самолет-снаряд для атаки морских судов. Оружие, которое начало использоваться только в сентябре 1943 года как «Hs- 293», было описано в некоторых деталях, и указывалось его секретное наименование – «FZ-21». Позднее было сообщено, что немцы разрабатывают два вида радиолокационной станции и работают над ракетами дальнего радиуса действия.

Но в тот момент британская разведка не смогла оценить всю важность «донесения из Осло». В отсутствие единой научной разведывательной службы атака на германские разработки в области оружия дальнего радиуса действия в течение двух лет не приносила никакого результата.

Британская разведка больше ничего не слышала о ракетах дальнего действия или о Пенемюнде до конца 1942 года. Даже введение в строй за прошедшие годы двух немецких радаров – «Фрейи» и «Вюрцбурга» – а также подтверждение других предсказаний, сделанных еще в 1939 году в «донесении из Осло», в котором недвусмысленно намекалось на то, что

Пенемюнде требует более пристального изучения, не поторопило власти – никаких подробных аэрофотосъемок местности не проводилось до начала 1943 года.

2

К моменту прибытия «донесения из Осло» работа в Германии над ракетой дальнего действия «А-4», позднее известной как «V-2» («Фау-2»), велась уже в течение трех лет. 50-футовая 13-тонная ракета была «номером четыре» в пробной серии ракет на жидком топливе, «агрегатов», над которыми обширная команда германских ученых, финансируемая германской армией и возглавляемая вопиюще молодым Вернером фон Брауном, трудилась с 1932 года.

В 1930 году Управление вооружений германской армии создало под руководством капитана рейхсвера Вальтера Дорнбергера особый отдел по разработке военных ракет. В то время Дорнбергеру было тридцать пять лет. Окончив школу, он служил в артиллерийском полку, в октябре 1918 года попал в плен. Будучи армейским офицером, изучал инженерное дело в Берлинском техническом институте, который закончил с отличием в 1929 году.

1 августа 1932 года Дорнбергер привлек к сотрудничеству фон Брауна. Совместно с инженером Вальтером Риделем фон Брауну предоставили экспериментальную площадку на военном испытательном полигоне Куммерсдорф-Запад, гарантировав достаточное финансирование для работ над ракетными двигателями. Первый созданный ими двигатель представлял собой камеру сгорания уникальной кон-

струкции: он заправлялся жидким кислородом и спиртом и при взлете развивал тягу в 600 фунтов.

Первый «агрегат» куммерсдорфской команды был коротким реактивным снарядом весом всего около 330 фунтов: «А-1» был неустойчив и отказывался взлетать. Когда в октябре 1933 года эти эксперименты продемонстрировали во время визита в Куммерсдорф Адольфа Гитлера, тот проявил мало интереса, и только тайные финансовые субсидии на разработку ракетного двигателя на жидком топливе, предоставленные Дорнбергером, помогли проекту выжить. Когда были завершены работы над двигателем, способным нести вес в одну тонну, Дорнбергер пригласил в Куммерсдорф фельдмаршала Вальтера фон Браухича. Оглушительный рев реактивного двигателя заставил фон Браухича удовлетворить все срочные запросы Дорнбергера.

Команда фон Брауна создала второй реактивный снаряд – «А-2». Два снаряда были запущены с острова Боркум в декабре 1934 года. Неустойчивость предыдущего варианта была преодолена с помощью снабжения снаряда гиросtabilизаторами: ракеты взлетали на высоту более 7000 футов.

Однако фон Браун счел нужным предупредить Управление вооружений 18 января 1939 года, что «А-2» едва ли «можно рассматривать как нечто большее, чем промежуточный вариант, который нуждается в усовершенствовании».

В декабре 1935 года фон Браун посетил свою родную По-

меранию, чтобы подыскать место для центра по созданию новой ракеты. Он выбрал уединенный район Пенемюнде. Высокий свод голубых небес над этим балтийским островным раем как нельзя лучше подходил для огневых испытаний. Штеттин, ближайший город, находился в семи милях отсюда. Кроме того, вдоль южного побережья Балтийского моря располагались многочисленные островки, на которых можно было разместить станции слежения.

Инженеры ВВС построили здесь аэродром, жилые дома, лаборатории и вдоль восточного побережья – испытательные пусковые ракетные установки. Все было готово к работе над созданием «секретного оружия».

Как и ее предшественники, ракета «А-3» работала на 75-процентном этиловом спирте и жидком кислороде и развивала тягу в 1,5 тонны. В 1937 году в своей докладной записке, направленной в военное министерство, фон Браун заверил: «Ракета на жидком топливе, предназначенная для использования в военных целях, будет в два раза длиннее, чем «А-3», около сорока четырех футов вместо двадцати двух».

Благодаря этой дорогостоящей военной разработке Пенемюнде превратился в самую передовую экспериментальную площадку в мире. В сосновом бору были расчищены огромные участки, созданы испытательные установки, лаборатории и цеха. По распоряжению фон Брауна началась работа по строительству экспериментального завода для массового

производства ракеты «А-4», которое должно было начаться в сентябре 1941 года.

В Пенемюнде была создана не имевшая аналогов в мире по мощности аэродинамическая труба диаметром 40 сантиметров. Здесь также возвели электростанцию, завод по производству жидкого кислорода и множество разных цехов, и все было окутано покровом строжайшей секретности. В военных кругах, впрочем, выражалось сомнение, что война продлится достаточно долго для того, чтобы Германия получила хоть какую-нибудь выгоду от Пенемюнде.

В октябре 1939 года начало поточного производства неиспытанной пока ракеты «А-4» было перенесено на май 1941 года. Характеристика ракеты была такова – 100-процентное попадание в зону 1100 x 550 ярдов на расстоянии 170 миль. Примерная цель – Уайтхолл. Генерал-майор Карл Бекер, руководитель военного ведомства, был осторожен: на встрече с генералом Халдером он говорил о разработке «А-4» как о «перспективе на 3–4 ближайших года». Однако в ноябре Гитлер пришел к выводу, что в этой войне ракеты ему не понадобятся. В списке приоритетных разработок Пенемюнде отсутствовал, и только после неудачи в «битве за Англию», в ноябре 1940 года, Гитлер распорядился воскресить проект. Уже через четыре месяца разработке ракет была присвоена категория «SS», что означало в Германии наивысший приоритет.

Материальные затраты были огромны. Представленный

из Пенемюнде бюджет на 50,4 миллиона рейхсмарок был отклонен и в конце концов урезан вдвое. Была подготовлена новая программа, в соответствии с которой первый испытательный запуск ракеты должен был состояться уже в феврале 1942 года, а массовое производство налажено двумя месяцами позже, однако из-за недостатка рабочей силы программа эта оказалась невыполнимой.

Стратегам, знакомым с достижениями пилотируемой бомбардировочной авиации, ракета «А-4», с ее дорогостоящим механизмом, экзотическим топливом и боеголовкой весом в одну тонну казалась бесполезной и нелепой тратой времени и денег, однако за разработкой ракет стояла армия и артиллерийский офицер, а в его глазах «А-4» являлась воплощением абсолютного оружия: какими ничтожными представлялись снаряды, выпущенные по Парижу в 1915 году по сравнению с однотонной боеголовкой «А-4»!

Гитлер был настроен скептически. Когда в начале марта 1942 года его новый министр вооружений и военной промышленности Альберт Шпеер вкратце изложил ему основные вехи проекта, Гитлер велел Дорнбергеру написать теоретическое обоснование промышленных инвестиций на производство перекиси водорода для заправки 3000 ракет «А-4» ежемесячно. Если бы обоснование не было убедительным, перекись передали бы германскому флоту на его нужды и проект по разработке «А-4» оказался бы свернут.

В ставке Гитлера еще шло обсуждение проекта, а первый

опытный образец «А-4» в Пенемюнде постигла неудача: 18 марта 1942 года, после трех недель детальных тестов, во время испытания камеры сгорания взорвалась первая ракета. На следующий день ВВС потребовали разрешения провести «теоретическое расследование» для выяснения целесообразности проекта по разработке ракет. Шпеер твердо стоял на своем, и Гитлер поддержал его, однако снова выразил желание увидеть обоснование снабжения ежемесячного запуска 3000 ракет.

Полковник Дорнбергер был встревожен не столько неудачей первой ракеты «А-4», сколько чрезмерностью запросов Гитлера. «А-4» была сложным оружием, и он не видел возможности налаживания массового производства в столь крупных масштабах. В середине апреля появился его меморандум «Предложения по применению ракет дальнего радиуса действия «А-4».

Гитлер настаивал на своих требованиях, более того, увеличил число выпуска ракет до 5000 единиц в месяц. Дорнбергер предупредил его, что это совершенно невозможно. Обеспечение производства 2700 тоннами перекиси водорода не было проблемой по сравнению с 75 000 тоннами жидкого кислорода, продукта, создать запасы которого не представлялось возможным. В год реально было обеспечить выпуск только 26 000 тонн.

К тому же, если бы массированный удар предполагал запуск 100 ракет за восьмичасовой штурм, требовалось осуще-

ствить боевую подготовку трех ракетных батальонов. Этот откровенный меморандум привел военное ведомство в замешательство, и для вящей секретности было выпущено всего 30 его экземпляров.

В это время в Пенемюнде шла работа над вторым опытным образцом «А-4». В последние дни апреля 1942 года ракету поместили на испытательный стенд. Запустили двигатель, чтобы проверить работу системы впрыска топлива, а 14 мая состоялось первое испытание ракеты. На следующее утро, когда сверкающая ракета возвышалась на пусковой установке в центре испытательной площадки VII, в небе над Пенемюнде показался разведывательный самолет британских ВВС. Установленная на нем фотокамера запечатлела мирный пейзаж Пенемюнде и «интенсивные строительные работы».

Британцы все еще ничего не подозревали.

Целый месяц инженеры Пенемюнде хлопотали над вторым образцом ракеты, меняя камеру сгорания, настраивая телеметрический контроль. 13 июня 1942 года в 11.52 громкоговорители на испытательном полигоне начали отсчет, а тысячи иностранных рабочих были заперты в своих бараках «для их же собственной безопасности». Ракета величественно поднялась над стартовой площадкой и устремилась в свинцовое небо, однако вскоре начала медленно вращаться и отклоняться от курса. Все еще вибрируя, она исчезла в облаках.

Радары отслеживали ее подъем до высоты 16 000 футов. Она уже преодолела звуковой барьер, как вдруг ее двигатель смолк.

Через девяносто тревожных секунд после отрыва от земли ракета с гулом прошила низко нависшие облака и рухнула в море в миле от испытательной площадки. Вторая ракета фон Брауна потерпела неудачу.

Шпеер не скрывал своего разочарования, когда через десять дней прибыл в ставку Гитлера, чтобы доложить об исходе испытаний.

Гитлер высказал сомнение, что ракета вообще когда-нибудь сможет принять участие в боевых действиях. Его мысли, казалось, блуждали где-то далеко. Он больше интересовался разработками германской авиации, среди которых были управляемые бомбы «Fritz-X», а также истребители «Me-163» и «Me-262» – с ракетным и реактивным двигателями соответственно. Эти разработки казались ему более многообещающими.

Вскоре, уже 16 августа, была запущена третья ракета фон Брауна. Ракета оставалась стабильной в течение первых четырех секунд полета, затем отключилась внутренняя система электропитания, а вслед за этим и телеметрия. Глухонемая ракета неожиданно взревела в высоте, за ней потянулся неровный инверсионный след. На высоте 35 000 футов на скорости, более чем вдвое превышавшей скорость звука,

двигатель внезапно смолк, и ракета взорвалась.

Проведя всесторонний анализ трагедии, ведущие инженеры Пенемюнде, включая доктора Тиля, пришли к выводу, что внезапная потеря ускорения разрушила топливные баки, и высвободившееся топливо, в свою очередь, разрушило ракету.

Это очередное разочарование переполнило чашу терпения некоторых подчиненных фон Брауна, и многие стали высказываться против неумемного молодого инженера. Фон Браун, безразличный к сложившейся вокруг него беспокойной обстановке, вернулся в свое конструкторское бюро в Четвертом блоке и продолжил работу над усовершенствованием своего детища.

В четыре часа пополудни 3 октября 1942 года четвертая ракета «А-4» легко оторвалась от стартовой площадки и, пролетев 118 миль вдоль балтийского берега, упала менее чем в 4000 ярдах от намеченной цели. Несколько камер запечатлели взлет ракеты. Может статься, историки будущего сочтут примечательным, что на хвостовой части ракеты техники Пенемюнде изобразили юную девицу, сидящую верхом на месяце. Фон Браун заметил на это: «Единственная проблема в том, что ракета приземлилась не на ту планету».

Пока Дорнбергер полностью сосредоточился на составлении спецификаций, которых требовало от него военное ведомство, мысли фон Брауна блуждали где-то далеко.

3

Доклад Шпеера не впечатлил Гитлера. Шпеер нерешительно заговорил о двух вариантах «А-4» – одна ракета с дальностью полета до 180 миль и другая – до 100 миль, но с более тяжелой боеголовкой. Гитлер нашел эти предложения «весьма ценными», однако снова подчеркнул, что производство ракет «А-4» имеет смысл только в том случае, если для первого массированного удара их будет в наличии не менее 5000.

Сам Гитлер не присутствовал при запуске огромной ракеты, и к тому времени, как он увидел фильм об октябрьском триумфе, прошло девять месяцев.

До конца 1942 года со стартовой площадки в Пенемюнде было запущено еще три ракеты «А-4». Правда, ни одна из них не повторила октябрьский успех. И все же внушительное зрелище, которое представляла собой 13-тонная ракета, оставляющая при взлете огненный хвост, и устрашающий рев ее двигателя, эхом катившийся по морю, – для Шпеера этого было больше чем достаточно. Он подготовил приказ о запуске ракеты в массовое производство, и 22 декабря 1942 года Гитлер подписал его.

Центр в Пенемюнде был приравнен к «крупному промышленному концерну» и получил неограниченную финан-

совую поддержку, а Дорнбергер – неограниченную власть над разработками в Пенемюнде и над производством ракет на заводах фирмы «Цеппелин» во Фридриксхафене. 11 января на встрече четырех экспертов по проекту «А-4» в военном ведомстве в Берлине Дорнбергер наметил разделение усилий: Пенемюнде получал главный контракт на 6000 ракет и субконтракт на часть производства ракет во Фридриксхафене.

Встреча Гитлера и Шпеера состоялась в первые дни нового года. Гитлер, который был наслышан об экспериментах с ракетами дальнего радиуса действия в Америке, настоятельно просил Шпеера определить районы для размещения стартовых площадок. Министр сообщил о возможном запуске ракет «А-4» из бункера на мысе Гри-Не в Северной Франции, и Гитлер одобрил проведение всестороннего исследования этого места инженерами Дорнбергера.

15 января Шпеер назначил Герхарда Дегенколба руководителем нового «Специального комитета по «А-4» при своем министерстве. Задачей комитета было изыскивать необходимые мощности для производства отдельных компонентов оружия и возводить цеха для сборки самих ракет.

Полковник Дорнбергер не делал секрета из своей неприязни к не отличающемуся особым умом Дегенколбу, который, по его мнению, вряд ли принес бы пользу проекту «А-4». Бывший руководитель фирмы «Демаг», Дегенколб (в прошлом председатель локомотивного комитета) просла-

вился благодаря упорному продвижению программы строительства локомотивов, а также тому, что сумел добиться от Гитлера дополнительного финансирования на сумму около 20 000 фунтов.

Группа представителей германских ВВС, находившаяся в Пенемюнде, с беспокойством наблюдала за испытаниями. Они видели, как ракеты «А-4» с ревом взмывали в небо с испытательной площадки. Вспышку можно было видеть на сотни миль вокруг. «Германские ВВС, – заметил Шпеер коротко во время допроса после войны, – боялись, что армия в одиночку будет обстреливать Лондон». И еще: «Им не нравилось, что сухопутные войска расправляют крылья». С удвоенной решимостью ВВС стали продвигать свою программу бомбардировочной авиации дальнего действия. Они возлагали надежды на небольшой одноразовый беспилотный самолет размером с небольшой истребитель и способный нести до тонны взрывчатки на расстояние до 160 миль.

Компания «Аргус» интенсивно работала над этим проектом с марта 1942 года. Разработка двигателя близилась к концу. За основу был взят пульсирующий воздушно-реактивный двигатель Пауля Шмидта. Авиационно-строительная компания Герхарда Физелера «Кассель» (впоследствии «Физелер») разработала корпус самолета под руководством Роберта Луссера, технического директора компании. 19 июня 1942 года на совещании у фельдмаршала Эрхарда Мильха, посвященного воздушному вооружению, представители «Физелера» и «Аргуса» сумели убедить его предоста-

вить их продукции статус наивысшего приоритета.

Простая конструкция этого беспилотного самолета, его возможная эффективность, в свою очередь, серьезно встревожила военное ведомство, которое уже так много вложило в ракеты: 9 октября 1942 года Дорнбергер потребовал от фон Брауна любыми путями выявить слабые места в секретном оружии Мильха.

Фон Браун написал отчет на семи страницах: «Двигатель самолета-снаряда развивает тягу в 670 фунтов и представляет собой дальнейшую разработку реактивного двигателя Шмидта. Поскольку снаряд самостоятельно взлететь не может, он катапультируется с наклонной пусковой установки длиной в 230 футов...» Далее фон Браун указывает, что скорость самолета составляет около 470 миль в час, а максимальная высота полета – от 700 до 6500 футов.

Пробный запуск опытного образца самолета– снаряда прошел успешно. Однако фон Браун знал, что производство 1000 самолетов-снарядов в месяц с лета 1943 года, как планировалось в ВВС, осуществить невозможно, поскольку нехватка катапульта, стартовая перегрузка, неблагоприятные погодные условия и прочие проблемы неизбежно внесут свои поправки в эти планы.

Самолет-снаряд должен был стоить 10 000 рейхсмарок, в то время как оценочная стоимость ракеты «А-4» доходила до 30 000 марок¹. У ВВС уже были заводы («Аргус», «Физелер»

¹ Сравнение фон Брауна было чрезмерно оптимистичным. Реальная стоимость

и «Рейнметал»), оборудованные для производства самолетов-снарядов. Независимость такого самолета от дистанционного управления по радио делала это оружие «помехоустойчивым». Однако фон Браун верно предсказал, что боеголовка ракеты «А-4» с ее ударной волной в 4 Маха вызовет значительно большие разрушения, чем оружие ВВС, несмотря на их сопоставимую полезную нагрузку.

В начале декабря 1942 года сам Герхард Физелер взлетел на бомбардировщике над Пенемюнде и выпустил в воздух первый самолет-снаряд. В канун Рождества самолет-снаряд был благополучно запущен с катапульты.

ВВС с воодушевлением восприняли эту новость. 3 января 1943 года генерал-лейтенант Вальтер фон Акстельм, главнокомандующий германской зенитной артиллерией, приехал в Пенемюнде, чтобы лично наблюдать за пуском снаряда. Находясь под сильным впечатлением от увиденного, он заявил начальнику штаба ВВС, что самолет– снаряд – это простейший способ атаки целей на расстояние до 225 миль без риска потерь в живой силе.

Фон Акстельм узнал также, что Мильх разработал план, предусматривающий строительство огромных бункеров на побережье Ла-Манша. Из этих бункеров должен был производиться запуск самолетов-снарядов, которому не помешал

массового производства самолета– снаряда и ракеты «А-4» приближалась к 1500 рейхсмаркам (125 фунтов) и 75 000 рейхсмарок (6300 фунтов) за единицу соответственно. См. Приложение. (Здесь и далее примеч. авт.)

бы даже ураганный обстрел неприятеля. Фон Акстельм заметил Мильху, что такие грандиозные строительные работы, несомненно, привлекут к себе внимание неприятеля и бункеры будут уничтожены еще до завершения их строительства. В свою очередь, он предложил соорудить около 100 небольших, гораздо менее уязвимых мобильных пусковых установок. Мильх настаивал на своем плане строительства восьми гигантских пусковых бункеров. Решено было оставить последнее слово за рейхсмаршалом Германом Герингом.

24 февраля Комитет по «А-4» утвердил программу по массовому производству ракет. Программа была обоснованной и с умеренными запросами. Ее автор, Детмар Шталькнехт, высококвалифицированный инженер из числа сотрудников министерства вооружений, ранее занимался поставками дюралюминия и стали для производства танков. В соответствии с этой программой экспериментальный завод в Пенемюнде должен был производить все ракеты «А-4» до июля 1943 года, когда заработает завод во Фридриксхафене. С декабря 1943 года месячная норма по выпуску ракет будет поделена пополам между двумя заводами, и к сентябрю 1944 года каждый завод будет производить до 300 ракет ежемесячно². В целом этот план оказался близок к достигнутым показателям.

В начале марта в Пенемюнде пришла печальная новость из ставки Гитлера. Шпеер, который находился в ставке с 5 марта, с тревогой сообщил Дорнбергеру, что Гитлеру приснился сон, будто бы ракета «А-4» не в состоянии достичь Англии, и распорядился приостановить работы.

Что должен был ответить Шпееру Дорнбергер? Последний посетовал, что теперь они должны бороться не только

² Программа выпуска ракет «А-4», предложенная Шталькнехтом, предусматривала выпуск 5150 ракет с марта 1943 года по декабрь 1944 года:

с волокитой и косностью чиновников, но также и «со снами нашего величайшего военного диктатора». В действительности представляется маловероятным, что Гитлер на самом деле видел такой сон. Логично предположить, что Шпеер уловил перемену, произошедшую в настроении Гитлера за последние месяцы, – в феврале в Пенемюнде произошел ряд запусков ракет, окончившихся полным провалом. Не желая лишаться своей репутации в политических кулуарах, Шпеер развил тему «сна фюрера», чтобы оправдать свою неспособность вытребовать продолжения финансирования, а также присуждения разработкам столь желанного статуса первоочередной важности, которого он и Дорнбергер добивались с января. Любым доводам можно было противоречить, но только не «сну фюрера».

Сам же Альберт Шпеер не потерял веру так же легко, как его фюрер. Своим более поздним распоряжением он отправил профессора Петерсена, директора «АЕГ», в Пенемюнде в качестве председателя новой Комиссии по бомбардировочной авиации дальнего действия. 25 марта Петерсен написал для Шпеера оптимистичный отчет.

Вооруженный этим отчетом, Шпеер сумел рассеять пессимизм Гитлера. Фюрер всегда радовался, когда разговор заходил о каком-нибудь грандиозном проекте. Если проект предусматривал использование сотен тысяч тонн бетона, фюрер приходил в экстаз.

Вечером 29-го на совещании в Оберзальцберге Шпеера

вызвали к фюреру, чтобы он продемонстрировал чертежи, изготовленные «Организацией Тодта» для гигантского пускового бункера в Северной Франции под кодовым названием «Северо-западная электростанция». Гитлер одобрил чертежи, но указал, что, если производство ракет не будет налажено, бункер должен легко переоборудоваться для размещения войск Западного фронта.

Еще в конце декабря 1942 года группа экспертов из Пенемюнде произвела обследование области Артуа во Франции в поисках подходящего для бункера места. Необходимо было найти площадку, с которой удалось бы обстреливать как можно больше английских объектов. Решено было возводить бункер в Эперлеке, в одной миле западнее Ваттена.

К обоснованию выбора места для бункера (в соответствии с докладом Дорнбергера) были добавлены следующие соображения: 1) свободный доступ к основным магистралям; 2) площадка окружена лесом; 3) железная дорога проходит в одной миле от бункера; 5) станция Ваттен расположена в полутора милях; 6) исключительно благоприятное энергоснабжение.

«Организация Тодта» гарантировала поставку рабочих рук и материалов – не так уж мало для проекта, который должен был поглотить около 120 000 кубометров бетона³.

³ 120 000 кубометров бетона это почти в два раза больше годовой потребности города размером с Кёльн (численность населения 765 000 человек) и более чем в тридцать два раза превышает количество бетона, ушедшего на строительство лондонского отеля «Хилтон».

Каркас бункера должен был быть возведен за четыре месяца, к концу июля 1943 года. Положение с энергоснабжением было столь благоприятным, что по завершении строительства бункера в него можно было перевести завод по производству жидкого кислорода. Бункер должен был обслуживаться тремя независимыми электросетями, и только разрушение всех трех могло вывести батарею из строя.

Разве мог Гитлер отвергнуть такой масштабный проект?

В Берлине 24 марта на заседании «Комитета по «А-4» были предприняты первые шаги к налаживанию массового производства ракеты. На заседании присутствовали шестнадцать ведущих специалистов по ракетостроению, включая Эрнста Штейнхоффа, директора по телеметрии в Пенемюнде, и Фридриха Кирштейна, разработчика системы радиуправляемого отключения двигателя. Были детально проанализированы защитные меры против воздушных налетов, поскольку сейчас проект «А-4» находился на своем наиболее уязвимом этапе: почти каждую неделю в Пенемюнде проводились запуски ракет и союзники уже наверняка должны были забить тревогу. Никак нельзя было исключить возможность воздушного налета на Пенемюнде или на связанные с проектом заводы. Программа производства была еще не готова, и возможный воздушный налет мог породить непреодолимые задержки. Учитывая сомнения фюрера в целесообразности всего проекта, это могло привести к непоправимым последствиям. На берлинском заседании было реше-

но: всем службам, задействованным в реализации проекта, необходимо незамедлительно принять меры – если это еще не сделано – по обеспечению безопасного хранения технической документации.

Пять месяцев осталось до того дня, когда британские ВВС предприняли первую атаку на Пенемюнде, и к тому времени заблаговременно предпринятые немцами меры предосторожности частично лишили эту атаку смысла.

К апрелю Дегенколб уже три месяца был председателем «Специального комитета по «А-4». Он стал свидетелем запуска ракеты в Пенемюнде и тщательно изучил программы массового производства. 27 апреля министерство Шпеера отменило программу Шталькнехта и заменило ее составленной Дегенколбом программой по массовому производству ракет «А-4». Эта программа предусматривала сборку к декабрю 1943 года ежемесячно в целом 950 ракет «А-4» на трех заводах: в Пенемюнде, Фридриксхафене и заводе Хеншеля в Винер-Нойштадте⁴.

30 апреля фон Браун распорядился: программу, предложенную директором Дегенколбом, являющимся руководителем комитета по «А-4», с этого времени считать единственной имеющей силу программой, на которой следует базировать дальнейшие планы. Все предыдущие программы счи-

⁴ Программа Дегенколба была последней официальной программой по производству ракет «А-4» в Германии.

тать недействительными.

Дегенколб заверил Шпеера, что сумеет выполнить эту на первый взгляд нереальную программу при условии, что 80 процентов технической документации будет предоставлено немедленно, а оставшаяся часть — к июлю.

1943	Месяц	Ракеты «А-4»
	До апреля	50
	Май	40
	Июнь	50
	Июль	70
	Август	120
	Сентябрь	350
	Октябрь	650
	Ноябрь	900
	Декабрь	950

Фон Браун считал эту программу вполне осуществимой и выпустил распоряжение подготовить необходимую техническую документацию.

4 мая генерал-полковник Фромм написал Дорнбергеру, что «ввиду предстоящего налаживания массового производства ракет «А-4» он приказывает закончить работы по сооружению пускового бункера в Ваттене, в Северной Франции, к 1 ноября 1943 года. В этот день, по всей видимости, германская армия планировала начать обстрел Лондона.

Глава 2

В бой вступает разведка

1

В конце осени 1942 года в Лондон просочились первые сообщения британской разведки, содержащие предположения о том, что Германия работает над созданием ракет дальнего радиуса действия.

Союзники не слишком удивились: военная разведка еще с октября 1939 года время от времени получала сообщения о подобных экспериментах, но их было слишком мало, чтобы можно было связать воедино опыты по ракетостроению с центром в Пенемюнде. Единственное донесение, хранившееся с мая 1940 года, сообщало о том, что ученый по имени Оберт сотрудничает с германским военным ведомством по вопросу разработки 30-тонной ракеты, способной покрывать расстояние до 160 миль. Профессор Герман Оберт был в действительности одним из самых выдающихся экспертов Германии по ракетам на жидком топливе и ближайшим советником фон Брауна в Пенемюнде.

Тогда, в конце 1942 года, поступили первые три отчета голландского инженера-химика, которые окончательно ре-

шили исход дела. Первый отчет пришел 18 декабря и вместе с остальными (последний из отчетов был прислан в марте 1943 года) составил исчерпывающую картину текущего состояния германских ракетных разработок.

Передавший отчет агент подслушал разговор двух офицеров в одном из берлинских ресторанов. Из услышанного можно было сделать вывод, что между 30 ноября и 2 декабря 1942 года близ Свинемюнде состоялись запуски «больших ракет». Эти ракеты якобы могли нести 5 тонн взрывчатки на расстояние до 130 миль, а «зона поражения» составляла около 40 квадратных миль.

В феврале пришло еще одно сообщение, но уже от другого источника: немецкая ракета, говорилось в донесении, способна нести 10 тонн сильного взрывчатого вещества на расстояние до 70 миль. Второй агент назвал место, где проводились экспериментальные запуски, – Пенемюнде.

Британская разведка не могла изучить каждое донесение о секретном оружии. Однако частота, с которой поступали сообщения о «германских ракетах», привлекала внимание: в 1939 году поступило два сообщения, в 1940 году – одно, в 1941 году – ни одного, в декабре 1942 года – одно, и теперь, к марту 1943 года, их было уже пять.

Напрашивалось предположение, что все донесения имеют под собой какое-то солидное основание.

9 февраля 1943 года департамент 14 (h) военной разведки направил письмо майору Норману Фалькону, главному ар-

мейскому дешифровщику аэрофотоснимков в Медменхеме: «Появились признаки того, что Германия ведет разработку ракет дальнего радиуса действия, которые, будучи выпущенными с французского побережья, способны поразить Великобританию. Мы были бы признательны, если бы вы установили самое тщательное наблюдение за любыми подозрительными сооружениями, которые по виду могут напоминать пусковые установки для таких ракет».

Казалось бы, что могло быть проще: нужно лишь выбрать из имеющихся донесений те, что представлялись хорошо обоснованными, и начать действовать. Однако работа разведки куда сложнее, чем представляется на первый взгляд: активные попытки, предпринятые для увеличения количества донесений по интересующей теме, могли привести к появлению дезинформации.

Однако в марте 1943 года отдел по допросам военнопленных составил отчет, который рассеял все сомнения. Два высокопоставленных германских офицера попались на старую как мир приманку. Эти двое – генерал Вильгельм фон Тома и генерал Людвиг Крювель – были взяты в плен в Северной Африке, содержались отдельно в течение четырех месяцев, а затем 22 марта 1943 года встретились лицом к лицу. Они приветствовали друг друга, как старые друзья, и завели беседу в комнате, напичканной микрофонами. Фон Тома выразил удивление, что Лондон до сих пор не в руинах после германских ракетных бомбардировок. Качество записи оставля-

ло желать лучшего, слышны были только разрозненные обрывки разговора двух генералов, но и этого было достаточно. Фон Тома рассказал, как однажды ему довелось посетить «специальную площадку вблизи Куммерсдорфа, где проводились испытания больших ракет, и весьма оптимистично настроенный майор (по всей видимости, Дорнбергер) похвастался, что ракеты способны подниматься на десять миль в стратосферу и покрывать неограниченное расстояние».

Расшифровка записи этой беседы была направлена в воздушную разведку, где она попала на стол Ф.С. Фрэнка, делившего кабинет с Р.В. Джонсом, руководителем британской научной разведки. По мнению Фрэнка, все выглядело так, будто все эти слухи о ракетах следовало воспринимать серьезно.

Фон Тома производил впечатление человека, словам которого можно было доверять. Кроме того, его информация соответствовала той, что уже имелась у британской разведки. Таким образом, вариант «подсадной утки» можно было исключить.

С этого момента характер проблемы, стоявшей перед британской разведкой, изменился: появились все основания полагать, что проекты немцев по разработке ракет дальнего радиуса действия можно считать установленным фактом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.